Materiallar to'plami · Conference Proceedings
"ZAMONAVIY TADQIQOTLAR VA BARQAROR RIVOJLANISH" respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi
04 August 2026
UDK 81
FILOLOGIYA

ПАРЕМИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

Сохиба Омановна Каримова*
Университет академических и социальных наук (AIFU) Филологический факультет Старший преподаватель
✉ karimovasohiba@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются теоретические основания сопоставительного изучения репрезентации внешности человека в русских и узбекских паремиях. Прослежен путь становления русской паремиологии от труда И.М. Снегирёва «Русские в своих пословицах» (1831–1834) и работ Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, М.А. Рыбниковой до сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» (1862), в предисловии к которому впервые разграничены пословица и поговорка. Особое внимание уделено трудам Г.Л. Пермякова: описанию паремий на основе понятия языкового клише, трёхплановой модели структуры паремии (лингвистический, логико-семиотический планы и план реалий) и понятию паремиологического минимума.

Ключевые слова

паремия, паремиология, пословица, поговорка, языковое клише, структурная паремиология, паремиологический минимум, паремиологическая картина мира, сопоставительный анализ, внешность человека.

DOI: 10.5281/zenodo.24152274

ВВЕДЕНИЕ

Исследование репрезентации внешности человека в русских и узбекских паремиях требует уточнения теоретических оснований анализа. Паремиология – одна из тех редких областей языкознания, в которой границы объекта исследования каждый автор определяет заново: для одного учёного паремия – только пословица с переносным значением, для другого – широкое понятие, охватывающее также загадку, примету и анекдот. Поэтому принципы отбора материала в сопоставительном исследовании непосредственно вытекают из определения, данного термину «паремия», а нечёткое определение снижает надёжность эмпирической базы. В данном параграфе мы, кратко рассмотрим путь становления паремиологии как науки, а также проанализируем дискуссию о статусе паремии в системе языка, обоснуем систему признаков, отличающих паремию от смежных единиц, определим понятие паремиологической картины мира и её отношение к языковой картине мира.

Термин «паремия» восходит к греческому «paroimía» («мудрое изречение, сентенция, пословица»); первоначально он употреблялся в религиозно-литургических текстах. В научный обиход слово вошло вместе с движением по собиранию и систематизации устного народного творчества. Вплоть до XIX века пословицы и поговорки изучались главным образом фольклористикой, которая видела в них «образцы народной мудрости», «малый жанр устной словесности», и почти не рассматривала их как единицы языка.

Научное осмысление русской пословицы началось ещё до выхода далевского свода. Первым систематическим опытом стал четырёхтомный труд И. М. Снегирёва «Русские в своих пословицах» (1831–1834). Автор сгруппировал материал по темам и поставил вопросы о сущности, происхождении и иноязычных источниках пословиц, называя среди них библейские и восточные; в издание он включил и татарские изречения. Таким образом, сопоставительный ракурс был намечен уже у истоков русской паремиологии.

В 1854 году Ф.И. Буслаев опубликовал работу «Русские пословицы и поговорки», в которой пословицы истолкованы с позиций мифологической школы как следы древних верований и обычаев. Понимание паремии как «памятника» быта предвосхитило современную трактовку пословицы как хранилища культурной памяти.

Собственно филологический подход предложил А.А. Потебня в курсе «Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка» (1894). Учёный выводит пословицу из басни и притчи: пословицей может стать сжатое содержание басни («Кобыла с волком тягалась, только грива да хвост осталась») или её итоговая фраза («И мы пахали»). Мысль Потебни о соотношении образа и обобщённого значения легла в основу учения об образном основании фразеологизма у В.Н. Телия. М.А. Рыбникова закрепила понимание пословицы как единства суждения и художественной формы.

Поворотным пунктом в русской паремиографии стал сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа», изданный в 1862 году. Этот сборник не только объединил более тридцати тысяч единиц, но и представил в предисловии первую серьёзную теоретическую попытку разграничить пословицу и поговорку. Даль толкует пословицу как «притчу» и подчёркивает, что она состоит из двух частей – «обиняка, т. е. картины, общего суждения» и «приложения – толкования, поучения»; когда же вторая часть отпадает, «пословицу нельзя отличить от поговорки». Это наблюдение стало отправной точкой дискуссии, продолжавшейся последующие полтора столетия.

Во второй половине XX века паремиология вышла за рамки фольклористики и начала формироваться как самостоятельное научное направление. Решающая роль в этом процессе принадлежит трудам Г.Л. Пермякова. В его монографии «От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)» впервые пословица, поговорка, загадка, примета и анекдот были описаны на единой методологической основе – в рамках понятия языкового клише. Пермяков определяет паремии как «народные изречения, выраженные в форме предложения», и включает в их число также единицы, состоящие из цепочки коротких предложений и отражающие элементарную сценку или простейший диалог. В книге учёного «Основы структурной паремиологии» выделяются три автономных структурных плана паремии:

план лингвистического (и композиционного) строения;

план логического (и семиотического) строения;

план реалий.

Эта трёхуровневая модель стала важным теоретическим основанием перехода от интуитивных классификаций паремий к методике формального анализа.

Ещё одно важное открытие Пермякова – понятие паремиологического минимума. На основе экспериментов с массовым опросом учёный показал, что совокупность выражений, известных всем членам определённого языкового коллектива, то есть действительно находящихся в активном употреблении, конечна и сравнительно невелика. Эта идея внесла в паремиологию важное методологическое ограничение: десятки тысяч единиц, зафиксированных в словарях, и несколько сотен единиц, действующих в живой речи, – не одно и то же. Для сопоставительных исследований это особенно важно, поскольку сопоставление не «архивных» фондов двух языков, а их активных пластов даёт типологически гораздо более надёжный результат.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачовым. – М., 1854. – Кн. 2, пол. 2.

2.Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1984.

3.Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М.: Наука, 1970. – 240 с.

4.Пермяков Г.Л. Паремиологический эксперимент. Материалы для паремиологического минимума. – М.: Наука, 1971.

5.Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

6.Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков,

1894.